

Национализм в СССР и Восточной Европе

Тофик ИСЛАМОВ,

Алексей МИЛЛЕР

В мае 1990 г. в США прошли три конференции, анализировавшие национально-политическую ситуацию в Советском Союзе и странах Восточной Европы. С советской стороны в них приняли участие: директор Института этнологии и этнической антропологии АН СССР, доктор исторических наук В. Тишков и сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР, кандидаты исторических наук К. Никифоров, С. Ромаленко и авторы настоящей статьи.

Сначала в Институте Гарримана Колумбийского университета в Нью-Йорке была проведена дискуссия о национальных отношениях в СССР. Затем в Миннеаполисе состоялась весьма представительная трехдневная конференция, организованная Центром австрийских исследований — «Этническая политика великих держав. Империя Габсбургов и Советский Союз», в которой приняли участие более 70 специалистов из Австрии, Венгрии, Израиля, Канады, Польши, СССР, США, Чехо-Словакии и Югославии. После чего вся "европейская команда"¹ переехала в Ист-Лэнсинг, штат Миннесота, чтобы принять участие в подготовленной Центром русских и восточноевропейских исследований конференции под несколько замысловатым для нашего уха названием: «Национальности Советского Союза и Восточной Европы. Источники перемен и силы будущего».

Мы не собираемся писать традиционный отчет, поскольку в этой форме попросту невозможно передать содержание дискуссий, переносившихся из зала заседаний в кулуары, начинавшихся на одной конференции и продолжавшихся на другой. Это скорее попытка дать обобщенную картину обсуждавшихся на конференциях проблем, некое резюме высказанных мнений.

Темы, вокруг которых концентрировалась дискуссия, можно представить следующим образом. Прежде всего, это влияние национальных проблем на будущее СССР как единого государства и на политический процесс в Советском Союзе. В рамках этой большой темы предметом специального внимания стали

¹ В нее входили: М. Хрох и Я. Хавранек из Чехо-Словакии; П. Ханак из Венгрии; Д. Роксандич из Югославии; Х. Шлянфер, Я. Тарновский и П. Врубель из Польши; А. Морич, В. Ляйч, Х. Конрад и А. Суппан из Австрии; Р. Вистрич из Израиля. В конференции в Миннеаполисе участвовал также федеральный министр Австрии по делам культуры Э. Бусек.

Исламов Т. М. — доктор исторических наук, заведующий сектором новой истории стран Центральной Европы Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Миллер А. И. — кандидат исторических наук, научный сотрудник того же сектора.

антисемитизм и процессы в мусульманских регионах СССР. Другой крупный блок обсуждавшихся вопросов — влияние событий в СССР на страны Восточной Европы, которую ныне все чаще называют Центральной, эволюция в этой связи самого понятия Центральная Европа; проблема интеграции бывших социалистических стран в европейское сообщество.

* * *

Чтобы понять всю глубину внимания, с которым в Соединенных Штатах отнеслись к политическим процессам в Советском Союзе, достаточно сказать, что там реализуются две конкурирующие исследовательские программы по изучению национальных отношений в СССР, которые финансируются из правительственных источников в размере более чем полмиллиона долларов каждая. В сочетании с признанием В. Тишкова, что он никак не может «выбить» из Президиума Верховного Совета СССР 25 тыс. рублей для своего института на экспедиции в конфликтные точки, эта информация создавала ощущение мрачного абсурда. (Интересно было бы узнать, какой процент финансового обеспечения одной американской программы составляют средства, затраченные у нас на научную проработку нового Союзного договора. О том, как реализуется принцип конкурентности при организации этой работы, мы и спрашивать не будем.)

Сквозной темой всех дискуссий было будущее СССР, характер и возможные сценарии развития национальных противоречий в масштабе всей страны. Здесь для начала стоит сказать хотя бы несколько слов о заслуживающей отдельного разбора книге руководителя одной из упомянутых программ А. Мотыля «Восстанут ли нерусские? Государство, этничность и стабильность в СССР», изданной в 1987 г. в США и переизданной в 1990 г., поскольку концепция, в ней представленная, находила отражение в выступлениях как самого автора, так и некоторых других американских участников. Она говорит о том, что весьма распространенная в западной советологии прямолинейная имперская парадигма неприменима к комплексной интегрированной природе Советского государства, так как сводит последнее к формуле «Россия и ее колонии». Допуская наличие отношений господства и подчинения, автор в то же время замечает, что нерусские республики представляют собой «нечто большее, чем просто колонии». Генетическая связь Советского государства с русской гегемонией важна для понимания подчиненного положения нерусских, но Мотыль видит его прежде всего в характере распределения власти, а не в экономической эксплуатации. Еще в 1987 г. он указывал, что только изучение механизмов распределения этнической власти даст ключ к предвидению будущих вызовов стабильности со стороны нерусских народов в Советском государстве. Роль, сыгранная с тех пор в Советском Союзе национальной интеллигенцией, может быть понята именно в рамках такой концепции. Теперь же, когда формирование национальных политических элит пришло на смену принципу кооптации отдельных представителей той или иной нации в номенклатуру в соответствии с ее (номенклатуры) критериями, проблема разумного распределения компетенции между республиками и Центром, быстро преодолев промежуточную горбачевскую формулу «сильный Центр — сильные республики», приобрела, наряду с экономической реформой, решающее значение с точки зрения дальнейшей судьбы Союза.

Возвращаясь к книге А. Мотыля, приведем весьма характерный пример «ограниченности воображения», которыми богата советологическая литература последних лет. Три года назад Мотыль полагал, что, несмотря на сверхконцентрацию взрывчатого вещества в советском обществе, «нерусские не восстанут, потому что они не могут восстать», если даже захотят это сделать. Непреодолимое препятствие он видел в сохранении структур КГБ.

В. Шляпентох, до 70-х годов работавший в СССР, а ныне профессор уни-

верситета в Ист-Лэнсинге, касаясь проблемы крушения советской мифологии и влияния этого факта на развитие межнациональных отношений, отметил, что среди немногих мифов, сохранявших свою живучесть до самого последнего времени, наиболее эффективным воздействием обладал миф о советском народе, об интернациональном братстве советских людей. (Об аналогичной роли мифа «пролетарского югославянства» говорил на конференции сербский ученый Д. Роксандич.) В официальной политике советских властей национальная проблема считалась несуществующей, национальные идеологии и движения, пытавшиеся эти проблемы артикулировать, решительно подавлялись. В этих условиях насильственно создаваемого политического вакуума национальный фактор на уровне межличностных отношений играл второстепенную роль. Крах мифологии привел к массовому кризису самоидентификации, который преодолевается в рамках национализма, облекающего нарождающиеся политические движения. (Отметим в этой связи, что атомизация общества в условиях тоталитаризма практически не оставила другой эффективной возможности быстрой политической мобилизации масс, кроме апелляции к национальным чувствам.) Между тем, общество не имело навыков поведения в условиях этнической напряженности, чем в значительной мере обусловлен трагический характер многих конфликтов.

Прогнозирование развития национальных конфликтов в СССР, с точки зрения Шляпентоха, весьма затруднительно. В частности, невозможно было, по его мнению, предположить, что национализм на окраинах империи окажется направленным в первую очередь не против русского населения, а против соседей и местных национальных меньшинств. Между тем, такое развитие национальных конфликтов вполне можно было ожидать *per analogiam* хотя бы с Австро-Венгрией. Начальная стадия процесса децентрализации империи, когда непосредственно речь идет не о независимости, а о подтверждении и расширении национальных прав в ее рамках, создает в этнически разнородных провинциях весьма специфическую ситуацию. Все этнические группы чувствуют себя в угрожаемом положении. Доминирующая в республике группа стремится к национальной консолидации для борьбы за свои права. Этнические меньшинства, проживающие на этой территории, видят опасность со стороны набирающего силу национального движения доминирующей группы, которая, в свою очередь, боится, что Центр использует требования национальных меньшинств как предлог для ужесточения национальной политики. Такая трехполюсная конфигурация конфликта — доминирующая группа, меньшинства, Центр — часто способствует его эскалации.

Осознание того факта, что Центр уже не в состоянии контролировать ситуацию на окраинах, что можно вести речь не о расширении прав, а об обретении подлинного суверенитета, приходит заметно позднее. Этот важный рубеж был преодолен в 1989 году. В результате ситуация с русскоязычными меньшинствами во многих республиках заметно осложнилась. После I Съезда народных депутатов РСФСР проблема русскоязычного населения приобрела новое содержание, поскольку Центр и Россия превратились в два самостоятельных субъекта. Благодаря этому разрушается идентификация командно-административной системы и обслуживающей ее номенклатуры с русскими. Похоже, что благодаря договорам России с рядом республик открывается перспектива «денационализации» конфликтов между республиками и теряющим этническую окраску Центром, а значит и создания более безопасной ситуации для русскоязычного населения в республиках.

В этой связи возникает следующий вопрос: как меняется роль русской нации? Готова ли она по-прежнему выполнять роль интегрирующего фактора в империи ²? Или же плата за эту роль начинает представляться ей слишком

² Такая постановка вопроса, небезынтесная применительно к Союзу не только по отношению к русским, опиралась на определенную историографическую традицию. Еще в 50-е годы зна-

высокой? События последнего времени — сокращение, судя по опросам общественного мнения, числа тех, кто ориентируется на «державный» комплекс ценностей, протесты против использования русских солдат в очагах напряженности на окраинах — свидетельствуют о том, что готовность выполнять имперскую роль уменьшается и становится все более условной. Неясно, однако, будет ли реакция русских на центробежные тенденции в РСФСР столь же сдержанной, как на сепаратизм союзных республик. Позиция русских может измениться и в результате экзодуса (исхода) русского населения с окраин, если это явление приобретет массовый характер³. Русскоязычное население, оказавшееся в положении национального меньшинства в республиках, во всяком случае его неинтегрированная в местную среду часть, демонстрирует, как правило, бескомпромиссную позицию в отношении национальных движений в сочетании с весьма консервативной популистской социальной ориентацией.

Попытки как-то определить будущее Союза выявили две различные тенденции. Одна, весьма распространенная у нас, а на конференциях отстаиваемая по преимуществу В. Тишковым, сводилась к тому, что только в целостном Союзе — при безусловном расширении прав республик — возможно эффективное экономическое развитие. Другая — что империя не может избежать периода, когда обладающие огромной энергией центробежные тенденции должны найти свое воплощение. Формирование рыночной экономики реально идет в масштабе республик, и рынок общесоюзный может возникнуть только через кооперацию республиканских рыночных экономик. (Именно так, через объединение суверенных субъектов, и происходит интеграция Европы.) Заметим, что представители первой тенденции рассматривают границы, возникающие при реализации республиканского суверенитета, в традиционном советском варианте, как нечто весьма плохо проницаемое для экономических и других связей.

Специфика проблем, связанных с провозглашением республиками своего суверенитета, заключается также в том, что политическое оформление народов в виде национальных государств происходит в контексте вступления мира в постиндустриальную эпоху, когда понимание государственного суверенитета претерпевает серьезные изменения. Нарастание международной взаимозависимости во всех сферах общественной жизни приводит некоторых дальновидных политиков к мысли, что общественный контроль предполагает скорее функциональное, чем территориальное толкование суверенитета и требует юрисдикции над определенными целями, а не над географическим пространством. Это означает, что международные организации, регулирующие в глобальных масштабах определенные области социальных отношений, во все большей степени становятся держателями части суверенитета, принадлежавшего прежде национальным государствам. В самом деле, мы являемся свидетелями коренной трансформации национально-государственного суверенитета — этого важнейшего института индустриальной эпохи, который сегодня сосуществует с широким спектром институтов местного самоуправления и с приоритетом международных правовых норм.

Понимание государственного суверенитета лидерами республиканских народных фронтов основывалось прежде всего на стремлении освободиться от тяжелой "руки Москвы". Однако после принятия Декларации о суверенитете,

менитый американский ученый Р. Канн в фундаментальной двухтомной монографии подверг анализу историческую роль всех народов Австрийской империи, их движений и организаций с точки зрения того, чему они в конечном счете служили — интеграции или дезинтеграции монархии. И с тех пор этот прием часто используется при рассмотрении процессов в многонациональных образованиях.

³ Эта весьма реальная возможность и ее последствия явно недооцениваются властями не только Союза, но и России. О безответственном — другого слова не подберешь — отношении палаты национальностей Верховного Совета РСФСР к этой проблеме свидетельствует тот факт, что для ее рассмотрения создана не комиссия, а только подкомитет, в котором на сегодня реально работают трое депутатов.

в процессе ее реализации, республики неизбежно столкнутся с необходимостью в той или иной мере подчиняться как международным институтам, так и воле более сильных экономически и политически государств. И в первом, и во втором случае союзные республики попадают в весьма непривычную ситуацию, поскольку до сих пор единственным «диктатором» по отношению к ним выступал союзный Центр. Формирование нового типа экономических и геополитических предпочтений для каждой национальной республики будет иметь следствием и определенные подвижки в межнациональных отношениях — заключение межреспубликанских договоров, необходимость более внимательного отношения к нуждам национальных меньшинств, этнически близких новым международным партнерам (например поляки в Литве).

Проблема национального самоопределения и суверенитета застала наши общественные науки совершенно неподготовленными. Нормальное изучение национального вопроса в СССР было загублено декретированием тезиса о прогрессивности и добровольности присоединения и неприкосновенной догмой о национальной гармонии в Советском Союзе. Во избежание "ненужных" споров и разногласий монополия на изучение истории отдельных народов, входивших в состав СССР, была передана доверенным историкам соответствующих республик, так что в многочисленных исторических институтах Москвы не найти научного подразделения, специализирующегося на истории Украины или какой-либо другой республики. Каждый шаг в сторону рассматривался как побег со всеми вытекающими отсюда последствиями. Особенно вредную роль сыграла ложная интерпретация лозунга о самоопределении наций, абсолютизирующая последнюю ее часть «вплоть до отделения». В результате все бесконечное многообразие форм и возможностей самоутверждения и самоидентификации, варианты которых принимаются каждым народом в зависимости от конкретно-исторических условий его существования, трактовалось как предательство национальных интересов. Теоретически все сводилось к выходу из состава многонационального государства и учреждению самостоятельной государственности вне зависимости от того, имелись ли для этого реальные предпосылки и историческая традиция. Рассуждать таким образом тем проще, что на практике никто не собирался этот принцип уважать.

На основании этих критериев анализировался в советской исторической литературе и опыт Австро-Венгрии, других стран. Историки дружно клеймили политических лидеров национальных движений как оппортунистов и соглашателей если они добивались осуществления национальных прав путем компромиссов и взаимных уступок. Мертвым грузом оставался весьма богатый теоретический багаж, накопленный в многонациональной империи Габсбургов⁴. Между тем в 1849 г. здесь, в Венгрии, был принят первый специальный закон о национальностях, здесь возникла первая специальная социал-демократическая национальная программа — Брюннская программа австрийской социал-демократии, здесь были созданы многообразные федералистские концепции. Особенно актуальна сегодня теория культурно-национальной автономии, которая была объявлена у нас фактически вне закона и остается «белым пятном» из-за того, что обнажды в пылу полемики с бундовцами Ленин обозначал ее филистерской, националистической и так далее. Никогда не лишне было бы припомнить сегодня не издававшиеся у нас с 1920-х годов труды Отто Бауэра, в частности его концепцию деления нации на исторические и неисторические, т.е. на имеющие традицию собственной государственности, пусть и утраченную, и не имевшие такой традиции вовсе.

⁴ Как непривычно для читателя, знакомого по преимуществу с советской литературой об Австро-Венгерской империи, выглядит такое сочувственно цитируемое Э.Геллнером замечание Б.Малиновского в его работе «Кашубская цивилизация»: «Предвоенная Австрия в своей федеральной конституции представляла, по моему мнению, здравое решение проблем национальных меньшинств. Это была модель миниатюрной Лиги наций». (См. Gellner E. Culture, Identity and Politics. Cambridge, 1998, p. 58)

Весьма актуально звучали на конференции в Миннеаполисе и обращения к практическому опыту решения национального вопроса в Австро-Венгрии, показывающему невозможность решать национальные конфликты путем безусловной реализации какой-то теоретической концепции, поскольку конфликты эти не поддаются стопроцентной рационализации, не могут быть вполне понятны вне исторического контекста. Именно невозможность предположить общую для всего Союза модель урегулирования национальных конфликтов, необходимость вариативности решений, учитывающих баланс сил и специфику каждого отдельного узла противоречий — общий мотив всех выступлений в дискуссии.

* * *

Два сюжета стали предметом специального обсуждения. Интерес к положению в Закавказье и Средней Азии в ходе конференций был весьма велик, что лишь отчасти объясняется трагизмом происходящих там событий. В большей мере внимание это связано с тем шоком, который пережили США и Европа в связи с фундаменталистской революцией в Иране и террористической деятельностью исламских фундаменталистов. Именно как часть целого — исламского «ренессанса» — видят многие на Западе, да и у нас, события в Закавказье и Средней Азии. Т. Исламов получил специальную просьбу организаторов выступить с докладом на эту тему. Главный тезис этого доклада состоял в том, что в условиях советской действительности ислам попросту не способен сыграть такую роль, как на Ближнем Востоке. По той простой причине, что последствия обрушившихся на него под флагом борьбы против панисламизма преследований более опустошительны, а процессы, ими вызванные, более необратимы, чем то, что пришлось испытать Русской православной церкви. В годы сталинских пятилеток волею центральных властей и руками послушных им республиканских партийных комитетов варварскому уничтожению подверглось большинство мечетей, редко где уцелели минареты. Даже в христианско-мусульманской Боснии их сохранилось больше — вспомните панораму Мостара или Сараева, — чем в любом первоначально мусульманском уголке Советского Союза.

Положение усугубили принудительный переход к совершенно чуждой народам Средней Азии и Азербайджана славянской графике, вследствие чего новые поколения были автоматически отсечены от своего письменного наследия, от своих историко-культурных корней и традиций. Резкое сокращение в послевоенное время сферы употребления родного языка, наряду с существенным увеличением доли русскоязычного населения, привело к серьезной деформации и к засорению разговорной речи и литературных языков в азиатских республиках заимствованиями русских слов и выражений. Добавьте ко всему этому бесконтрольное хозяйничанье в «суверенных» союзных республиках центральных министерств и ведомств, варварское уничтожение ими среды обитания целых народов, вывоз за пределы республик произведенных богатств, неограниченный произвол местной партийной и государственной администрации, подотчетной практически только Москве и обязанной своим существованием милости последней — вот где кроются подлинные фундаментальные причины внезапной для посторонних наблюдателей вспышки социального и национального недовольства, а не в происках исламских фундаменталистов.

Ни в Средней Азии, ни в Азербайджане, где относительно более высокий уровень политической дифференциации привел к созданию в лице хорошо организованного Народного фронта влиятельной и сильной оппозиции, нет серьезных признаков того, что указывало бы на политическую роль мусульманской религии или фундаментализма. Есть фанатизм. И в изобилии. Но фанатизм этот имеет подоплеку не религиозную или расовую, а национальную. Слепая ярость иррационального национализма обрушилась в Узбекистане на единоверных турок-месхов, в Киргизстане — на местных узбеков, исповедую-

щих тот же ислам. Хотя ясно, что не они являются виновниками бедствий постигших эти республики.

Совершенно иная ситуация сложилась в Закавказье. Здесь мы имеем дело с территориальным конфликтом в чистом виде. Аналогов ему нет в современной Европе, даже если вспомнить наиболее острый трансильванский вопрос. Ибо не возвращения Трансильвании или части ее требует от Румынии Венгрия, а предоставления равных прав, в том числе культурно-языковых, двух с половиной миллионному мадьярскому меньшинству. Предел венгерских желаний — восстановление ликвидированной социалистической Румынией Венгерской автономной области на части территории Трансильвании.

Ситуация вокруг Нагорного Карабаха — яркое свидетельство того, несколько ниже, если они вообще существуют, конвенциональные барьеры межнациональных отношений в СССР по сравнению даже с самыми горячими точками Европы,, насколько велика дистанция, отделяющая нас от общеевропейского дома, о хождении в который так часто мы сейчас говорим.

Нагорный Карабах может служить весьма убедительной иллюстрацией вредной роли двусмысленной политики Центра, способствующей эскалации конфликта. Сколь запоздалым ни стало бы это решение, но Центр должен устраниваться от роли арбитра, с которой он не справился, и предоставить решение вопроса двум конфликтующим сторонам.

Возвращаясь к общей ситуации в исламских регионах СССР, заметим, что процессы здесь развиваются очень динамично, и направленность их еще не вполне определилась. Так, в последнее время множатся свидетельства усиливающегося влияния идей пантурсизма, стремящегося к объединению в одном государственном образовании всех мусульманских областей Средней Азии. Очевидно, во всяком случае, что становление общедемократических политических движений в республиках этого региона будет происходить особенно трудно, с меньшими, чем где бы то ни было в Союзе, шансами на успех.

* * *

Специальное внимание, традиционно для дискуссий такого рода, было сосредоточено на антисемитизме. Ситуация в СССР анализировалась Р. Вистричем из университета в Иерусалиме. Разделяя антисемитизм на государственный, интеллектуальный и бытовой, он констатировал, что государственный антисемитизм ослабел в СССР за годы перестройки. Вместе с тем, нежелание государственных органов преследовать по закону те проявления антисемитизма, которые имеют все признаки уголовно наказуемого деяния, не позволяет говорить о принципиальном изменении позиции властей в этом вопросе.

Главное внимание Вистрич сосредоточил на интеллектуальной форме антисемитизма, проследив ее традицию в России XIX в. и дав широкий обзор антисемитских высказываний в публикациях «Нашего современника», «Молодой гвардии» и ряда других изданий. (Особое звучание этой части доклада было связано с тем, что в США оживленно комментировался проходивший как раз в это время визит в страну группы советских писателей, характеризовавшихся в американской прессе как русские шовинисты.) Антисемитизм в его интеллектуальной форме Вистрич связал с болезненным состоянием русского национального самосознания. Незавершенность процесса формирования русской нации, слабая консолидирующая роль системы положительных национальных ценностей⁵ усиливают значение факторов «негативных», т. е. способствующих объединению через оппозицию, через выделение общего для всех русских врага, каковым объявляются евреи, масоны и т. п. Ярким примером такого мышления может служить утверждение В. Астафьева в письме Н. Эй-

⁵В нашей печати см. об этом Шульгин Н. Новое русское самосознание. «Век XX и мир», 1990. №3.

дельману: «У всякого национального возрождения, тем более у русского, должны быть противники и враги»⁶.

Характеризуя бытовой антисемитизм в СССР Вистрич использовал данные специального опроса ВЦИОМ и показал, что антисемитские настроения в явной, форме присущи одной трети нееврейского населения Москвы, а в слабо выраженной форме присутствуют у еще такого же числа людей. Ситуация же вне Москвы в большинстве случаев должна, с его точки зрения, выглядеть хуже. Оценивая ситуацию в целом как весьма тревожную, Вистрич прогнозировал, что подавляющее большинство евреев покинет СССР в ближайшие годы.

В дискуссии по этому вопросу речь шла о политической функции некоторых разновидностей интеллектуального антисемитизма в СССР. Один из ключевых и крайне болезненных вопросов для русского национального самосознания сегодня — проблема вины и ответственности за трагедию, постигшую Россию после Октябрьской революции. Сторонники наиболее «удобного» способа решения этого вопроса, представляющие русский народ исключительно как жертву враждебной деятельности «инородцев», которые «виновны» в Октябрьской, а в некоторых концепциях и Февральской революциях, закономерно прибегают к использованию традиции антисемитизма. С другой стороны, антисемитизм используется некоторыми идеологами, стремящимися отстоять Октябрьскую революцию как ценность и связывающими все «извращения» первоначально «чистого» проекта с деятельностью тех же инородцев. Обе разновидности традиционалистов, как антикоммунистически, так и «истинно коммунистически» настроенные, смыкаются в своем антилиберализме, антизападничестве и ксенофобии.

Несмотря на выявленное социологическими опросами широкое распространение антисемитизма, он оказал неожиданно слабое влияние на поведение избирателей в ходе последних выборов в Верховный Совет РСФСР и местные советы. Связанные с «Памятью» кандидаты вынуждены были камуфлировать свою принадлежность к ней. «Истинный патриотизм» оказался плохим лозунгом в предвыборной борьбе: кандидаты, выступавшие под этим флагом, в подавляющем большинстве терпели поражение.

При анализе причин массовой эмиграции евреев из СССР важно учесть следующее обстоятельство. Выход на поверхность и усиление антисемитской пропаганды, сопровождавшееся слухами о погромах, о создании организаций боевиков при «Памяти» и т. д., совпали с общим кризисом доверия граждан к способности властей контролировать ситуацию в стране. Полицейский режим недавнего прошлого, наряду с массой неприятных ощущений, давал также чувство уверенности в том, что без его санкции никакие серьезные эксцессы невозможны. События в Сумгаите, повторившиеся в других регионах страны, показали, что государство не способно защитить своих граждан от насилия. Оба эти фактора — открытая пропаганда антисемитизма и осознание того, что в стране нет силы, способной и желающей эффективно поддерживать правопорядок — каждый в отдельности способны вызвать шоковое состояние у человека, прожившего всю жизнь в условиях тоталитарного режима.

Особая чувствительность евреев к потенциальной угрозе далеко не в последнюю очередь связана с коллективной памятью, с глубочайшей психологической травмой, вызванной трагедией времен нацизма и планами антиеврейского геноцида в нашей стране в конце 40-х — начале 50-х годов. События в СССР сегодня у многих евреев вызывают помимо воли аналогию с началом 30-х годов в Германии⁷.

⁶ «Даугава», 1990, № 6, с. 65.

⁷ Такие необычайно стойкие незаживающие психологические раны характерны не только для евреев. Глубинную инерционность армяно-азербайджанского конфликта нельзя понять без учета того факта, что погромы в Сумгаите и Баку в сознании армян прямо связываются с геноцидом 1915 года.

Ощущение потерянности и незащищенности успешнее преодолевают те, кто непосредственно включается в политическую деятельность. Именно в среде политически активных людей, в отличие от 60—70-х годов, настроения в пользу эмиграции заметно слабее.

В. Тишков назвал в качестве одного из главных факторов, подталкивающих к эмиграции,— экономический. Другие выступавшие, соглашаясь со значением этого фактора, подчеркивали, что при эмиграции в Израиль он имеет существенно меньшее значение, поскольку уровень жизни там заметно ниже, чем на Западе. Дело не в стремлении выиграть в экономическом плане, а в утрате надежды на нормализацию в обозримом будущем экономической и психологической ситуации в СССР.

Коллеги из Польши, Чехо-Словакии, Венгрии отмечали рост антисемитизма и в их странах. Причины сходные: рост национализма, в том числе его агрессивных, близких к ксенофобии вариантов, поиски врага и «ответственных» за прошлое, попытки использовать антисемитизм в политической борьбе. Вообще ситуацию, когда антисемитизм становится достаточно широко распространенным умонастроением, можно считать безошибочным симптомом кризисного состояния общества в Центральной и Восточной Европе.

* * *

Основная тема, предложенная для обсуждения участникам конференции в Миннеаполисе, оказалась весьма плодотворной, несмотря на то, что относительно несопоставимости на макроуровне процессов в СССР и империи Габсбургов участники согласились довольно быстро. Тем не менее, опыт Австро-Венгрии оказывается отнюдь не бесполезен для понимания наших сегодняшних реалий. Для анализа же ситуации в Центральной Европе он попросту необходим.

Проблемное поле дискуссии о Центральной Европе организаторы определили постановкой следующих вопросов: каковы черты преемственности и изменений в ситуации тех групп, которые некогда находились под властью Габсбургов, а после второй мировой войны попали под контроль СССР, т. е. венгров, поляков, украинцев, словаков, чехов, южных славян, евреев? Существует ли рациональный геополитический базис для восстановления Центральной Европы (Mitteleuropa) как особого организма, или, возможно, для «австрианизации» этого региона? На какую роль в регионе могут претендовать Вена и Берлин?

Миссию интеллектуальной провокации взял на себя профессор Ист-Лэнсингского университета У. Маккэг: Он сознательно заострил свои тезисы, но благодаря этому предельно ясно обозначил характерные черты преобладающего в США и Западной Европе взгляда на события в Восточной Европе. Создание Советским Союзом «внешней империи» в виде Варшавского пакта сыграло для Западной Европы положительную роль. Угроза со стороны СССР и его сателлитов сделала второстепенными традиционные противоречия между ведущими державами Запада и способствовала тем самым его консолидации. Немалое значение имело и то, что послевоенная политика Москвы привела к концентрации средств, предоставленных по плану Маршалла, в Западной Европе. "Железный занавес" отгородил ее от чреватой национальными конфликтами восточной части континента. Так что объединенная Западная Европа стала в некотором смысле побочным продуктом советской гегемонии на Востоке и холодной войны. Таким образом, высвобождение Восточной Европы воспринимается нередко на Западе не только как торжество демократии, но и как приоткрывающийся ящик Пандоры.

Трудно, во всяком случае, не согласиться с тем, что процессы в этом регионе напоминают отмораживание. После того, как «холод из Кремля» перестал дей-

ствовать, словно бы ожили те конфликты и анимозии, которые до сего времени были законсервированы под слоем казавшейся вечной мерзлоты «социалистического братства». Это прямая аналогия процессу воскрешения многих давних конфликтов в самом СССР, и весьма убедительное свидетельство невероятной устойчивости традиционных, исторически укорененных противоречий и антипатий, никак не ослабевших за 40, а где и за 70 лет летаргии.

Как потенциальная угроза для общеевропейских интересов рассматривалось в дискуссии такое развитие региона, которое привело бы к усилению враждебности к СССР, стремлению к его изоляции от складывающегося более широкого европейского сообщества. Антикоммунистические по идеологии и антисоциалистические по социально-экономическому смыслу революции в Венгрии, Чехо-Словакии и Польше не должны препятствовать сотрудничеству с СССР, разумеется, на принципиально новых основаниях, которые еще предстоит выработать сообща. Есть ряд факторов, которые позволяют надеяться на успех в решении этой задачи. Во-первых, понимание того, что без перестройки и нового курса СССР в международных отношениях невозможна была бы быстрая и в таких масштабах победа революций в регионе. Во-вторых, объективная неизбежность развития преобразований в СССР «вдогонку», в том же направлении, что и в Центральной Европе. В-третьих, конец конфронтации сверхдержав делает малоперспективной политику тех сил в регионе, которые хотели бы играть на противоречиях между Востоком и Западом. В-четвертых, скажет свое слово объективная экономическая потребность в получении сырья и энергоресурсов из СССР и в поставках туда неконкурентоспособной пока на мировом рынке промышленной продукции. И, наконец, сколько-нибудь уютный общеевропейский дом невозможно построить вопреки СССР, каким бы слабым ни был он сегодня.

Последующее обсуждение возможностей конфедерирования стран Центральной Европы, их сотрудничества «на пути в Европу» показало, что перспективы экономического, политического и тем более военного сотрудничества весьма ограничены. Только гегемония СССР могла создать Варшавский договор и СЭВ. Свободные союзы такого рода в Центральной Европе невозможны. Каждая страна будет пытаться прыгнуть в уходящий европейский поезд в одиночку. Польша — неудобный партнер для других стран региона, поскольку в сравнении с ними она непомерно велика и бедна. Ее внешнеполитическая ситуация постепенно начинает напоминать о неразрешимой дилемме межвоенного периода. У Венгрии есть проблемы с Чехо-Словакией, не говоря уже о Румынии, из-за венгерского меньшинства в этих странах. Наиболее притягательным центром для Будапешта, Праги и Братиславы становится Вена, так что если они и «встретятся», то только там. Прошлое и будущее Центральной Европы словно бы протягивают друг другу руки над историей послевоенных лет. Но с некоторыми существенными отличиями, среди которых не последнее место занимает обстоятельство, насчет которого у большинства участников дискуссии не было сомнений, — в Европе появляется новый весьма важный субъект — Украина.

В новой ситуации, сложившейся в Центральной и Юго-Восточной Европе после распада внешней советской империи, с особой ясностью проявилась весомость такого стабилизирующего фактора, как безусловное признание в рамках Хельсинкского процесса принципа нерушимости существующих европейских границ.

Обсуждение проблем роста национализма, изоляционизма по отношению к соседям, затрудненности экономического и политического сотрудничества между ними ставит в конечном счете вопрос о том, есть ли такая сфера, которая объединяет Центральную Европу, придает ей черты общности. Она есть, и обозначить ее можно как историко-культурную среду, как близость длительного исторического опыта этих стран. Реальность этой историко-культурной общности четко отражают поныне существующие, несмотря на все унификатор-

ские усилия последних десятилетий, различия между балканскими и центрально-европейскими частями Румынии (Трансильвания, Банат), Югославии (Словения, Хорватия), Украины (Галиция, Прикарпатская Русь). XX век наделил народы этого региона весьма специфическим новым, но тоже общим, опытом тоталитаризма и сопротивления ему. Человек Центральной Европы в попытке защитить как последний редут свой внутренний мир и традиционную систему ценностей, создал особые формы духовности. Духовный потенциал Центральной и Восточной Европы дал миру Кафку, Милоша, Бродского, Кундеру, Башевица-Зингера и многих других творцов, о которых мало просто сказать, что они из Европы. Тем не менее можно говорить как о реальности и о общеевропейском менталитете. Даже в ходе дискуссий на конференции в США не раз возникали ситуации, когда европейцы понимали друг друга органичнее, чем своих американских коллег. Пожалуй, осознание естественности и необходимости нашего духовного, интеллектуального возвращения в Европу — главное впечатление от поездки в США.

© Т. Исламов, А. Миллер, 1991.